

РАЗДЕЛ 7

ДУХОВНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: БУДДИЗМ, ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

DOI 10.30792/ 978-5-7925-0521-6-2018-287-289

Янгутов Леонид Евграфович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
yanguta@mail.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В БУРЯТИИ¹

В статье рассматривается формирование Просвещения в Бурятии как идеологического течения, происходившее на рубеже XIX–XX вв. Дается его характеристика как отражения национального самосознания бурят. Показана тесная связь Просвещения и обновленчества, которое явилось реакцией на реформы царского правительства, его попытки насильственной христианизации бурятского населения.

Ключевые слова: Просвещение; обновленчество; национальное самосознание; буддизм; просветительство.

Yangutov Leonid Evgrafovich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ENLIGHTENMENT AND RENEWAL IN BURYATIA

The article shows the formation of Enlightenment as the ideological trend formed in Buryatia on the cusp of the 19th and 20th centuries. The author characterizes it as the reflection of the Buryat's national identity. The close relationship of Enlightenment and renovation is shown as the reaction to the Tsarist government reforms and its attempts to force the Buryat population to convert to Christianity.

Keywords: Enlightenment; renewal; national consciousness; Buddhism, education.

Просвещение как идеологическое течение возникло в Англии во второй половине XVII в. и распространилось впоследствии по всей Европе, в России и в странах Востока. Оно стало крупнейшим общественно-политическим и культурным явлением эпохи становления капиталистических отношений, оказало большое влияние на развитие философской мысли как в странах Запада, так и Востока.

Основными характеристиками просвещения стали, во-первых, убеждение в решающей роли разума, во-вторых, попытки осознания человеком себя и общества, в котором он пребывает, их места в окружающем его мире, в-третьих, распространение знаний, образования. В Европе Просвещение стало провозвестником торжества разума и образования науки и философии над невежеством, схоластической ученостью, господством теологии. Просвещение как прогрессивное идейное течение было направлено на поиски путей преобразования отживших форм государственности, социальных порядков и утверждения, тем самым, нового восприятия, новой философии. В странах Востока Просвещение оформилось в XIX–XX вв. и было направлено не столько против религиозного засилья, сколько против иноземного ига, оно было тесным образом связано с национально-освободительным движением.

И. Кант характеризовал просвещение как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия», под которым понимал «неспособность пользоваться своим рассудком» [Кант, 1966, с. 27]. Поэтому девизом Просвещения он провозгласил: «нимей мужество пользоваться собственным умом» [Кант, 1966, с. 27]. Главным условием для такого Просвещения Кант считал свободу публичного пользования собственным разумом, которое может быть осуществлено «кем-то как ученым перед

своей читающей публикой» [Кант, 1966, с. 29]. Только пользование таким разумом может способствовать просвещению людей. Однако при этом Кант настаивал на необходимости частного пользования разумом, которое должно быть ограничено, но так, чтобы не мешать развитию Просвещения [Кант, 1966, с. 29].

Просвещение в Бурятии как кантовский «выход из состояния своего несовершеннолетия» тесным образом связано с процессом национального самосознания бурят, который, восходит к середине XIX в., когда передовые представители бурятской интеллигенции стали выражать свои взгляды по поводу бурятского народа как единой национально-этнической общности со своими культурными традициями. В своих трудах они исследовали историю, быт, традиции своего народа, стараясь определить его место в центральноазиатском и российском пространстве и наметить дальнейшие перспективы его развития.

Этот процесс проходил в условиях монополии двух культур: тибето-монгольской и русской. Поэтому осознание себя как этноса происходило в системе взаимодействия этих культур. Попытки определения своего места в условиях этого взаимодействия и поиски своих истоков стали первыми попытками «пользования собственным рассудком». Процесс национального самосознания проходил на фоне распространения грамотности среди бурят, создания собственных письменных произведений и пропаганды светских и религиозных знаний. Еще будучи в составе монгольских племен, буряты были приобщены к старомонгольской письменности, а в XIX в. эта письменность получила достаточное широкое для того времени распространение. Параллельно со старомонгольской письменностью среди бурят распространялась русская грамота. В этой обстановке было

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», № АААА-А17-117021310263-7).

совершенно закономерным становление двух течений бурятского просветительского движения: одно в рамках тибето-монгольской, а другое в рамках русской, преимущественно революционно-демократической культур. Тибето-монгольское течение по сути своей было буддийским. Оно включало в себя как религиозное направление, так и светское, хотя и в рамках буддийского мировосприятия. Дело в том, что буддизм к середине XIX в. получил на территории Бурятии самое широкое распространение, став существенным и необходимым компонентом культурной, социальной и политической жизни бурятского общества и необходимым компонентом повседневной жизни бурят. Он стал социально востребованным и консолидирующим фактором бурятских родов, сыграв огромную роль в формировании национального самосознания бурят. Поэтому деление на светское и религиозное направления в рамках тибето-монгольского течения является весьма условным.

Это получило отражение в сочинениях бурятских религиозных деятелей И.-Х. Гальшиева, Л.-Д. Данжинова, Г.-Ж. Дылгирова, Г.-Ж. Тугульдурова и др. Так, например, И.-Х. Гальшиев в своем сочинении «Зерцало мудрости разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам», пояснял бурятам правила их поведения в быту, с одной стороны, в контексте светских законов, но с другой стороны, в соответствии с религиозными требованиями [см.: Гальшиев, 1966]. Сочинения Л. Д. Данжинова, посвященные пропаганде религиозной морали, были написаны в соответствии с гражданскими нормами верующих. Они преследовали цель регламентации поведения бурят в общественной и духовной жизни. В таком же контексте писал свои сочинения Г.-Ж. Дылгиров. Г. Ж. Тугульдуров, создал тибето-монгольский словарь «Светильник, разъясняющий значение слов», который был предназначен для чтения буддийской литературы не только ламами, но и мирянами. И.-Х. Гальшиев, Л.-Д. Данжинов, Г.-Ж. Дылгиров, Г.-Ж. Тугульдуров, а также Р. Номтоев, Т. Тобоев, братья Н. и Ц.-Ж. Сахаровы и другие представляли собой тибето-монгольскую ветвь просветительского движения в Бурятии. Литературная деятельность представителей тибето-монгольской ветви была посвящена не только пропаганде буддийского учения и морали, но и изучению и осмыслению истории бурят, приобщению широких масс к индийской, тибетской, монгольской и своей культуре. Она была направлена и на распространение грамотности среди бурят, пропаганде не только религиозных, но светских знаний [см.: Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв., 1983; Гальшиев, 1966; Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии, 1985; Буярадай бэшэг, 1993]. При этом их деятельность не была полностью оторванной от русской культуры. Так или иначе она соприкасалась с ней, Р. Номтоев был тесно связан с деятелями русской культуры [см.: Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии, 1985], «История баргузинских бурят» Ц.-Ж. Сахарова была переведена и опубликована в Иркутских губернских ведомостях [см.: Буярадай бэшэг, 1993].

Представителями Просвещения в рамках русской демократической мысли были Д. Банзаров и М. Хангалов, научная и просветительская деятельность которых хорошо известна. Здесь же необходимо упомянуть большую роль в просветительской деятельности передовой русской интеллигенции в лице декабристов Н. Бестужева, М. Бестужева, К. Торсона, И. Шимкова, которые не только способствовали просвещению бурят, но и побуждали их к научно-просветительской деятельности.

Позже это были представители областничества Г. Потанин, Н. Ядринцев и др.

Деятельность бурятских просветителей XIX в. подготовила почву для становления в Бурятии Просвещения как «свободы публичного пользования собственным разумом». В конце XIX – начале XX вв. Бурятия как восточная окраина России была вовлечена в процесс капиталистических преобразований, которые втягивали бурятскую интеллигенцию и духовенство в политическую сферу. В июне 1900 г. был принят закон о землеустройстве, а в апреле 1901 г. закон об общественном управлении. Аграрная реформа в значительной степени ущемляла интересы коренного населения – бурят, трактовалась в пользу колониальной политики правительства. Ущемляли права бурят и административные реформы, которые упраздняли степные думы и органы родового управления. Уничтожалось самоуправление бурят, вводились русские суды и русское делопроизводство. Русификаторская политика сопровождалась насильственной христианизацией бурят. Подобные меры правительства не могли не вызвать сопротивление как среди простого населения, так и среди передовой интеллигенции.

Просвещение в Бурятии возникает как реакция против русификаторской политики царского правительства, против насильственного внедрения православия среди бурят. Лидеры бурятского Просвещения Ц. Жамцарано и Б. Барадин, получившие европейское образование, и находившиеся под влиянием русской культуры, увидели в буддизме средство консолидации бурятского народа. Необходимость такой консолидации была обусловлена насильственной ассимиляцией и христианизацией бурятского народа [Буддизм..., 2016, с. 256]. Однако ситуация, сложившаяся к тому времени вокруг ламаистской церкви, вызывала большое недовольство лидеров Просвещения. Их недовольство вызывала пышная обрядность ламаизма, роскошь, в которой пребывала ламская верхушка, а также духовно-нравственное падение лам, которые занимались торговлей, спекуляцией, пьянством и азартными играми. Свое недовольство этим обстоятельством проявляли и передовые представители духовенства. Все это явилось толчком для движения за обновление буддизма.

Деятельность бурятских просветителей во многом обусловила формирование обновленческого движения в Бурятии, поэтому Просвещение в Бурятии и обновленчество тесно связаны между собой. Со стороны буддийского духовенства движение за обновление буддизма начали А. Доржиев, Ч. Иролтуев, Ганжува-рэгэн. Идейным вдохновителем этого движения стал ученый, политик, дипломат А. Доржиев. Обновленцы преследовали цель приспособления буддизма к новым условиям. Отвергая пышную обрядность ламаизма, они призывали вернуться к философско-этическим истокам раннего буддизма. Наряду с этим, обновленцы уделяли большое внимание просвещению народа. Идеология обновленчества явилась одной из форм проявления национального самосознания бурятского народа. Выступая за защиту своего этноса от ассимиляции, в то же время они оставляли бурятам возможность приобщения к русской, европейской культуре, опираясь на свою религию – буддизм [Буддизм..., 2016, с. 265]. В недрах этого движения происходит публичное осознание своей общности с монгольским миром, начинается движение за возрождение единства монгольских народов, за возрождение монгольской государственности и культурной общности. Лидерами этого движения стали Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, М. Богданов, Г. Цыбиков, Б. Барадин, которые помимо общественно-политической деятельности

занимались также и научно-педагогической, просветительской. В их научных изысканиях, публицистических выступлениях в периодической печати, в полемике друг с другом оформлялась общественно-политическая платформа бурятской интеллигенции, их философское осознание действительности [Базар Барадин, 1993; Ширапов, 1993]. Общественные идеи лидеров бурятского Просвещения и обновленчества не были едиными, во многом каждый из них придерживался собственной позиции.

Организационно обновленческое движение оформилось в первые годы советской власти. Принципы модернизации обновленцев были приняты Всебурятским съездом буддистов (1922), закреплены «Положением об управлении делами буддистов» и «Уставом внутренней жизни буддистов». Реформы обновленцев встретили упорное сопротивление консервативного крыла ламства

во главе с Э. Вамбоцыреновым. Между обновленцами и консерваторами разгорелась ожесточенная борьба. Обновленцы, увидевшие в марксизме близкие буддизму идеи, проявляли лояльность к советской власти, пытаясь приспособиться к реалиям советской действительности. Консерваторы, осуждая обновленцев за их лояльность к советской власти, выступали против нее. По словам К.М. Герасимовой, «консерваторы и обновленцы внешне спорили по догматическим вопросам, но, по существу, речь шла о признании и непризнании советской власти» [Герасимова, 1964, с. 99]. Противостояние между двумя лагерями буддистов продолжалось до 1930-ых гг. В 1930-ые годы жестоким репрессиям подверглись и консерваторы, и обновленцы. Жизнь Агвана Доржиева и других лидеров обновленчества была трагически прервана, буддийская церковь в Бурятии была полностью разгромлена.

Литература

Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии. Улан-Удэ, 2016. 456 с.

Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. 128 с.

Буриадай бэшэг. Улан-Удэ, 1993.

Базар Барадин: жизнь и деятельность. Улан-Удэ, 1993. 141 с.

Гальшиев И.-Х. Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам. Улан-Удэ, 1966. 370 с.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). Улан-Удэ, 1964. 179 с.

Кант И. Собрание сочинений. М., 1966. Т. 6. 743 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1983. 236 с.

Ширапов Ю. С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. Улан-Удэ, 1993.

155 с.